

Мы далеки от мысли, что единственно этими аспектами исчерпывается новое содержание гуманизма. Вероятно, другие исследователи охарактеризуют неосвещённые нами стороны нового, складывающегося гуманистического мировоззрения.

Приведённые основания новой интерпретации гуманизма позволяют подняться как над экологизмом экогуманистских или экофобностью инвайроменталистских, так и над социологизмом или индивидуализмом многочисленных социально-философских доктрин. Обновляющийся гуманизм ставит в повестку дня проблему симбиоза основополагающих субъектов мезокосма с целью гармонизации их взаимоотношений.

Таким образом, обновляющемуся содержанию гуманизма XXI в. должна соответствовать новая общечивилизационная стратегия. Такая стратегия разработана на Конференциях ООН по среде обитания человека в г. Стокгольме (1972 г.) и по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро

(1992 г.). Общие принципы концепции устойчивого развития были выработаны на последней. О соответствии новому содержанию гуманизма названной концепции свидетельствует уже её первый принцип: «Забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой» [4. С. 688]. Кроме того, красной нитью через всю концепцию проходит мысль о невозможности обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире.

Одним из действенных инструментов означенных проблем может и должна стать система образования вообще и высшего профессионального образования в частности. Идя навстречу веяниям времени, обновляющийся гуманизм не только ставит вопросы, чему и зачем учить, являющиеся по сути вопросами о цели образования, но и, самое главное, отвечает на них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круть И.В., Забелин И.М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. — М.: Наука, 1988. — 416 с.
2. Мамардашвили М.К. Из лекций по социальной философии / Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Введение в философию, доклады, статьи, философские заметки / Под ред. Ю.П. Сенокосова. — М.: Лабиринт, 1996. — 428 с.
3. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — 700 с.
4. Декларация конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г. 3–14 июня) / Действующее международное право. — М.: ИМНИП, 1997. — Т. 3. — 832 с.

Поступила 19.12.2006 г.

УДК 18;7.01

ОСОБЕННОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОСТИЖЕНИЮ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

М.В. Думинская

Филиал Московского государственного социального университета, г. Сургут
E-mail: rgsu-surgut@yandex.ru

Анализируются разрешающие способности методов, направленных на постижение эстетической природы бытия и предпринимается попытка воспроизведения особого методологического подхода к исследованию эстетических явлений, основанного на принципе адекватного отношения к постигаемой предметности и открывающего возможность приближения к целостному постижению эстетической системы бытия.

История философских исследований в своем обращении к эстетическому явлению во всем многообразии его проявлений, чрезвычайно широка и многопланова, как в плане определения его сущности, так и в спектре представленности характеризующих его категорий и свойств, наполняющих сущностное содержание и придающих этой своеобразной событийности уникальную по своей природе качественность.

С каких только сторон и позиций не рассматривалось это уникальное по своей природе эстетическое явление: и со стороны присущности эстетическостности к материальному основанию (такая

тенденция прослеживается в «натуралистической» эстетике, «математической эстетике» Дж. Бикгофа, «информационной эстетике» М. Бензе, «космологической эстетике» Ю. Линника), и со стороны эстетически-деятельного субъекта, способного к эмоциональному восприятию и оцениванию видимого (И. Кант, неокантианцы, представители «теории вчувствования» и «экспериментальной эстетики»), и со стороны субъектно-объектного взаимодействия в целостности эстетической системы (Г. Гегель, М. Хайдеггер, М. Бубер, С. Франк, А. Лосев, Л. Столович, С. Раппорт, К. Станиславский, С. Рубинштейн) и т. д.

Однако течение столь плодотворной деятельности в осмыслении эстетического феномена на своем пути сталкивалось с определенными трудностями, которые не позволяли наиболее чутко и зримо объять исследуемое русло эстетического бытия. О каких трудностях, собственно, идет речь и какими причинами они обусловлены? Постараемся прояснить эти моменты для того, чтобы предложить наиболее продуктивный способ их разрешения.

Действительно, мы являемся свидетелями существования разнообразных концепций так или иначе представляющих и раскрывающих своеобразие эстетического феномена. Однако при наличии столь богатого концептуального многообразия во всей ситуации прослеживается ряд проблемных моментов. Во-первых, сущностная глубина эстетобитийствования настолько многогранна, что не может быть высвечена одним из вариантов ее представленности и даже не может быть охвачена их совокупным многообразием. В силу этого обстоятельства, вся история традиции постижения эстетического явления представляет собой лишь частичное и многоаспектное «приоткрывание» видимого таинства. Так что, подлинность его постижения все еще удаляется от пытливого взора исследователя в горизонтность предстоящего его целостного обретения.

Во вторых, сложность в определении сущности эстетического проистекает из самой уникальности рассматриваемого явления. То обстоятельство, что эстетическое наличествует в реальном плане бытия и его своеобразие оказывается доступной чувственному созерцанию и переживанию, дает основание для признания того, что существует некий особый мир, являемый как особое в общем на общем фоне реальной, культурной действительности. А значит, этот особый мир требует особого подхода к его постижению.

Здесь и обнаруживает себя проблема отыскания методически адекватного подхода к изучению эстетической системы бытия. Дело в том, что существующие подходы к постижению эстетического оказываются в онтологической несогласованности с самой исследуемой предметностью и в связи с этим обнаруживают свою относительную несостоятельность в попытке получения исчерпывающего и целостного представления, и более того, уводят результаты исследования от сути постигаемого явления, лишая его чистоты внутреннего своеобразия.

Так, например, культурно-исторический подход В. фон Гумбольдта, применяемый позитивистами XIX в. к эстетическим явлениям, лишал их уникальной и автономной самостоятельности существования, трактуя эстетическое как бессубъектное отражение общественных и культурных закономерностей [1].

В теории А. Потебни, эстетическое предстает в качестве посредника культуротворчества, призванного концентрировать весь прошлый опыт сознания, выступая в виде системы мифических и поэ-

тических образных представлений. В результате чего, опять же вопрос об онтологической сути эстетического явления заменяется вопросом о возможностях эстетической интерпретации события в рамках данного языка и данной культуры, но при этом внутренняя самостоятельность конкретного акта эстетизации оказывается целепредреждаемой смыслами и ценностями, заложенными в самой культуре [2].

В работах В. Харциева, Л. Лезина, С. Золотарева, Н. Котляревского предприняты попытки освободить суть эстетического от ценностно-культурных привнесений совершались опять же с психологической, физиологической, интуитивной точки зрения, что в свою очередь не отвечало требованию адекватного отношения к исследуемой природе бытия. Теоретики «формальной школы» (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум), считая нереальным проникнуть в сущность эстетической деятельности в связи с несостоятельностью в этом плане методов психологии, переориентировали свое внимание на произведение-продукт, вычленив его из линейности творческого процесса. Такого рода исследования, методологически основанные на конкретности познания, в результате обернулись изучением истории искусства.

Г.Г. Шпет, подходя к эстетическому как к особому рода деятельностному явлению, приходит к признанию, что его онтологическая своеобразность есть результат проявления особого рода сознания, тем самым направляя внимание на изучение возможностей такого рода сознания, а сама специфика эстетического восприятия стала определяется как особая форма смыслоозначивания видимого (движение к постижению эстетического перенаправилось к постановке проблемы возможности «чистого знания», идущей от Э. Гуссерля, к анализу герменевтических функций сознания) [3].

Проблема состоит в том, что такие подходы как социологический, психологический, кибернетический, педагогический, культурологический, информационный по самой их научной причине не способны осуществить целостный анализ эстетического как такового, между тем как потребность такого анализа в культуре сохраняется. Частично эту потребность удовлетворяет философский подход, но и этого оказывается недостаточно, поскольку, входя во владения эстетосферы, внеэстетический подход весьма ограничен в возможностях ее постижения. Методы познания в процессе исследования, как уже отмечалось, вступают в диссонанс с природной особенностью эстетического явления. Именно поэтому они должны нести не определяющую, а вспомогательную роль в процессе исследования эстетического феномена, подспудно дополняя и обогащая методологию адекватного отношения к эстетическому.

На наш взгляд, наиболее продуктивные результаты в данном случае, может принести онтологический подход к постижению эстетических явлений

(в исследовании онтологии эстетического следует отметить работы М.С. Кагана, Л. Рубинштейна, Ю. Борева, Г.Батищева, А. Гулыги, Л. Зеленова, А. Зися, Н. Крюковского, Т. Савиловой, Е.В. Волковой, К.М. Долгова, М.С. Глазмана, А.Ф. Еремеева, Н.А. Кормина, Б.С. Мейлаха, И.И. Инишева, В.П. Рыжова, Н. Бердяева и др.). Так, например, Д. Лукач, следуя установкам теории подражания и основываясь на гегелевском диалектическом методе исследования, отказывается от рассмотрения эстетики как произвольного набора эстетических категорий, и в результате чего формирует целостную категориальную систему, описывая одноплановую структуру художественного объекта, отражающую своеобразие эстетического явления [4].

В свою очередь, Х. Ортега-и-Гассет, следуя герменевтическому методу рассмотрения, представил подробное описание отличительных свойств эстетического объекта, обозначив те средства и механизмы, которые позволяют превратить изображаемое в произведение искусства. Он акцентировал внимание на ирреальности и динамичной полиструктурности художественного произведения, тем самым осуществил перенос понимания природы эстетического бытия в сферу чувств, освободив ее от функциональности «мертвого воспроизведения» реальности. В силу чего, эстетизация стала рассматриваться как способ самоосуществления человека в процессе чувственного художественного разворачивания творимого им объекта [5].

Феноменологическая методология, применяемая Н. Гартманом, позволила исследовать эстетические феномены как структурные образования, увидеть источник онтологического своеобразия в особой форме внутреннего существования этой системы, колеблющегося между двумя полюсами реального и ирреального. В результате структура художественного целого предстала как бы в раздвоенном виде, но действующей как нечто единое и не расколотое. Также были обозначены условия жизненности такого рода существования – то, благодаря чему художественно объективированное содержание становится «текущим и живым» [6].

В представлениях Р. Ингардена мы обнаруживаем целостность художественного бытия в еще более сложно-структурированном виде, имеющим внутреннюю подструктуру, где сущностные свойства эстетизируемого претерпевают трансформацию, деформацию, обретая художественно реконструированное состояние [7].

Что касается неклассической философии искусства, то ее предметной областью стало творение как некое психически объективированное образование, существующее вне индивидуального сознания. Это продвинуло исследования в выявлении факторов, обуславливающих порождение и изменение внутреннего мира человека под воздействием художественных явлений. Здесь актуальную значимость приобретает проблема сосуществования человека и искусства, проводится мысль об инобытийном су-

ществовании индивидуальности в художественной реальности, изучаются возможные связи-сцепления между реципиентом и художественным предметом, инициирующим его восприятие (Д.А. Леонтьев, В.С. Собкин, Д.Б. Эльконин, Л.Я. Дорфман, Л.С. Выгодский). При этом вопросы создания эстетического объекта и специфики индивидуального творчества не уходят в тень, а также попадают в центр внимания в освещении проблем восприятия произведений искусства [8].

В последние десятилетия эстетическая мысль стала рассматривать всё чаще искусство как сложный системный объект и включила осознание искусства в более широкую системную цепь: художественное творчество – художественное произведение – художественное восприятие (такая программа комплексного изучения художественного творчества была создана в 1962 г. во главе с Б. Мейлахом). Комплексная система изучения художественного творчества стала рассматриваться еще в более сложном контексте, именуемом «художественной культурой». Тем не менее, последовательное проведение системного анализа искусства, как эстетосферы культуры, еще сполна не осуществлено, не говоря уже и об исследовании эстетобытия в целом как сложно событийным процессе, происходящем в культурном измерении.

На этом фоне философско-эстетических построений особого внимания заслуживает концептуальный подход к постижению эстетических явлений М.М. Бахтина, демонстрирующий возможности органичного «вхождения» в исследовательский диалог с миром эстетобытийствования (развитие бахтинской традиции в более широком культурном контексте продолжили А.Ф. Лосев, В.С. Библер, М.С. Глазман, Л.Л. Челидзе, А.Я. Гуревич, А.В. Гулыга, Т.П. Григорьева и др.). Собственно, его творчество и послужило основанием для становления особого подхода, способного в процессе исследования прийти к раскрытию пространства эстетического свершения [9].

Речь о создании методологии эстетического отношения к постигаемой действительности, с помощью которой открывается возможность его целостного видения в акте творческого преобразования исключительной самости. Объектом такого особого диалогического отношения становится само содержание эстетической деятельности, которая открывается как личностное событие культурного бытия в бесконечности своего смыслового и ценностного разворачивания.

Воспроизведем основные положения и условия воспроизведения методологического подхода, соблюдение которых позволит приблизить исследование к постижению сути эстетического бытия. Во-первых, изначально необходимо сосредоточиться на нахождении и воспроизведении методически адекватного отношения к исследуемой предметности, во-вторых, необходимо в максимальной степени приблизиться к целостному постижению феномена эстетобытийствования.

Во-вторых, воспроизведение принципа адекватного отношения к природе эстетического требует особой формы выражения, основанной на активации образно-метафорического мышления, когда философской рефлексии предшествует движение последовательно выступающих и сменяющих друг друга образов, которые постепенно стягиваются к некоторой образной целостности, требующей в последующем определенности своего выражения. Только затем «уже-выраженное» образное представление становится предметом философского осмысления. В силу этого, «высказанное увиденное» оказывается нагруженным эстетически образной выразительностью и смысловой глубиной. Исследование становится образным моделированием, восполняющим все связи и отношения в цепи рефлексии, разворачивающим представление жизни в ее возможности, и в своем текстуальном звучании приобретает черты, свойственные эстетическому объекту, требующего столь же адекватного к себе отношения.

Безусловно, такое стилевое изложение, с одной стороны, может вызвать неоднозначность и сложность при его восприятии, но, с другой стороны (при условии адекватности восприятия), оно способствует раскрепощению эстетических способностей реципиента, побуждая дальнейшее смысловое разворачивание воспринятой им образно выраженной данности исследуемого явления. Поскольку особенность образной выразительности состоит в том, что «уже-высказанное» не воспринимается как нечто ставшее, вполне определенное, раз и навсегда данное; оно структурно как бы лишено четкости, определенности, статичности, его границы размыты, пластичны, готовы к принятию любых других форм, в которые их способно уложить другое рецептивное сознание, стимулируя дальнейшее образно-смысловое продвижение.

Далее, следует отметить, что онтологическая направленность реализуемого подхода обуславливает возможность выявления природных особенностей эстетически бытийствующих объектов как индивидуально целостных образований, существующих в едином для всех пространственно-культурном измерении. Следовательно, по отношению к постигаемой онтологической системе следует проводить предметный анализ, который позволяет выяснить следующее: из каких компонентов состоит изучаемая система, выявить связи, соединяющие эти ее компоненты; раскрыть поведение каждого компонента системы в его взаимодействиях с другими в его собственном пространстве и бытия системы в целом на ее внешнем уровне. Речь идет о субстратном и структурном анализе (архитектоническом), когда структурному рассмотрению подлежит как функционирование системы, так и ее развитие. Необходимость такого аналитического подхода обусловлена структурным своеобразием эстетической системы бытия. Его архитектоника является «не простым пучком каких-то связей между компонентами данной системы, а

системой этих связей, которая и придает данному объекту устойчивую целостность и качественное своеобразие — это «закономерно организованное системное целое, качественное своеобразие которого определяется его структурой» [10, 11].

Здесь также приемлем и деятельностный подход, поскольку эстетическое явление рассматривается как особая онтологическая система бытия, создаваемая в процессе особого рода субъективной деятельности — эстетизации. Т. е., в предметное поля данного исследования включается само содержание эстетической деятельности — процесс, направленный на создание эстетической реальности, а не только его результат (художественная целостность). Образно говоря, это «просачивание» в неизведанное со стороны вседоступного каждому, что не влечет за собой разрушения внешних границ эстетического объекта, изоляции и размежевания исходных начал, составляющих его целостность.

Феноменологические и герменевтические возможности проникновения в сущностные глубины эстетического явления требуют своего использования для того, чтобы в процессе постижения не утратить исходную онтологическую «чистоту» исследуемой предметности, исключая какое-либо внешнее теоретическое навязывание на результаты исследования, а также задают условия для создания ситуации «постепенного проникновения» в суть постигаемого явления.

В свою очередь представленный онтологический подход в последующем позволяет говорить о ценностной значимости художественных произведений в мире культуры, а также о возможностях, условиях, принципах адекватного отношения к ним.

В результате постижение разворачиваемой событийности — эстетического свершения становится восприятием процессуальности порождения, становления, жизнеутверждения и самоприращения пространства эстетической событийности как поэтапной результативности особого диалогического отношения между двумя сущностными началами, при котором происходит схватывывание и укладывание каждого момента постигаемой событийности в целостное представление, в котором открывается онтологическое своеобразие эстетически (художественно) ставшей самости. В результате чего пред нами предстает эстетически свершенная целостность как модель некой гармонизированной событийности, что направляет к отысканию ответов на вопрос о действии механизмов, обеспечивающий такой уникальный способ существования. Однако исследование удовлетворяется постижением эстетически завершенной самости, а выводится за пределы его внутренней событийности, направляясь к исследованию условий, механизмов и особенностей жизнеосуществления эстетизированного сущего в реальных пластах бытия (в культурном измерении), определяя значимость такой онтологической системы для существования человека и культуры в целом.

Таким образом, задаваемый методологический комплекс, определяющий особенность подхода к постижению эстетического, представляет собой комплексное сочетание подходов и методов (дополняющих доминирующий методологический

принцип адекватного познавательного отношения к эстетическому явлению), взятых в единстве и позволяющих, по нашему убеждению, достичь наиболее целостного постижения онтологии эстетического свершения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — С. 285.
2. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. — 613 с.
3. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. — М.: Правда, 1989. — 346 с.
4. Лукач Д. Своеобразие эстетического. — М.: Прогресс, в 4 т. — 1985—1987.
5. Ортега-и-Гассет Хосе. Эстетика. Философия культуры: пер. с исп. — М.: Искусство, 1991. — 588 с.
6. Гартман Н. Эстетика: пер. с нем. — М.: Иностранная литература, 1958. — 692 с.
7. Ингарден Р. Исследования по эстетике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — 572 с.
8. Дорфман Л.Я. От неклассики к метainдивидуальной психологии искусства // Эстетика: информационный подход. Проблемы информационной культуры. — М., 1997. — Вып. 5. — С. 158—190.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.
10. Каган М.С. Эстетика как философская наука: Университетский курс лекций / Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб.: Петрополис, 1997. — 544 с. — С. 57.
11. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избр. ст. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — 766 с.

Поступила 28.09.2006 г.

УДК 101.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И НРАВСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

П.В. Андреева

Томский политехнический университет
E-mail: apv82@mail.ru

Рассмотрены социально-этические и гуманистические характеристики основных этапов развития науки. Обосновано положение о том, что для каждого из выделенных этапов исторического развития науки, моральный модус является такой характеристикой, которая позволяет их идентифицировать как самостоятельные.

Злободневной проблемой XXI в. является кризис нравственности, а также пути осмысления выхода из этого кризиса. Еще П. Сорокин сказал, что диагноз современности как кризиса нравственности фактически общепризнан. Известный социолог рассматривал кризис как закономерный этап социальной динамики, замечая, что нам «посчастливилось жить в горниле мирового пожара» [1. С. 112]. Действительно, современный мир является той средой, в которой вызрел кризис нравственности. Мудрость и знание были разведены, рациональность, начиная с Нового времени, понималась как метод (измерение), как логичность, как научность, где «цена заменила ценности».

Возможно, в этом случае, ретроспективный анализ взаимоотношения науки и нравственности имеет смысл, поскольку на длительном этапе социокультурного развития эти взаимоотношения были не однозначны и противоречивы, как справедливо замечал И.Р. Пригожин: «...моральные отношения меняются с развитием науки» [2. С. 42]. Целью нашей статьи и является рассмотрение про-

блемы, как же взаимодействуют наука и нравственность в социокоммуникативном пространстве и как моральные отношения меняются с развитием научного знания. Уже в античности эта проблема представляла интерес для таких мыслителей как Сократ, Платон, Аристотель.

Сократ делает предметом рассмотрения именно нравственное бытие человека; предметом его философии уже является ценностное содержание жизни — вопросы блага и добродетели, добра и зла, пользы и счастья. Вся культурно-просветительная деятельность, деятельность познающего разума, по мнению Сократа, должна быть направлена на нравственное самосовершенствование личности. Сократ не отрывает нравственность (добродетельность) личности от многообразия ее деятельности (семейной, гражданской, военной, индивидуально-телесной и т. д.), а видит в ней ведущее, смыслообразующее начало человеческого бытия. Сократ рассматривает нравственность как глубочайшую основу всей человеческой культуры. Он высказывает твердое убеждение в существовании общих